

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему
хотѣлось,
И не за что; такъ какъ-то пѣлось.

Брыловъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Наслу Александровичу

ЗАРУБИНУ.

Глава I.

Представители труппы старыхъ временъ. Ихъ отношеніе къ искусству. Вниманіе и взыскательность Василя Андреевича Каратыгина къ актерамъ, играющимъ съ нимъ въ одной пьесѣ. Любовь и уваженіе мелкихъ актеровъ къ Каратыгину, не смотря на страхъ, который онъ внушалъ имъ. Забывчивость Каратыгина на сценѣ и что иногда отъ того происходило. Гордость Каратыгина. Его отношенія къ режиссерамъ. Режиссеры старыхъ временъ. Окладъ, получаемый Каратыгинымъ. Любовь публики къ Каратыгину. Его объясненіе съ директоромъ театровъ.

1846 года, 1-го Сентября, я поступилъ въ составъ русской драматической труппы. Въ то время, во главѣ труппы стояли: Василій Андреевичъ Каратыгинъ, Яковъ Григорьевичъ Брянскій, Александра Михайловна Каратыгина и Анна Матвѣевна Брянская. Это были представители трагедіи и драмы. Комедія и водевилъ также имѣли не менѣе достойныхъ представителей, въ лицѣ Ивана Ивановича и Елены Яковлевны Сосницкихъ, Александра Евстафьевича Мартынова, Алексѣя Михайловича Максимова, Василя Васильевича и Надежды Васильевны Самойловыхъ. Здѣсь упомянуты мною только тѣ лица, на которыхъ, по театальному выраженію, «лежалъ репертуаръ». Но и кромѣ ихъ, въ труппѣ имѣлось много артистовъ, уже заявившихъ или начинающихъ заявлять свои таланты.

Прежде, нежели начну говорить о талантахъ Каратыгинныхъ и Брянскихъ, я долженъ сказать о ихъ безукоризненно честномъ отношеніи къ искусству. Ни одинъ изъ этихъ артистовъ, во всю многолѣтнюю практику, ни разу не дозволилъ себѣ выйти на сцену съ *нетвердою ролью*. Каждая роль ими не только *тщательно изучалась*, но и *твердо выучивалась*. Съ первой-же репетиціи, каждая фраза ихъ роли произносилась съ должными уже интонаціею и смысломъ. Супруги Брянскіе и Александра Михайловна Каратыгина на первыхъ репетиціяхъ еще являлись иногда съ тетрадами въ рукахъ, но В. А. Каратыгинъ съ первой-же репетиціи читалъ свою роль уже наизусть, предваривъ суфлера обыкновенною фразою: *«слѣдите за мной, но не подавайте. Когда ошибусь—остановите»*. Кромѣ того, В. А. даже на *считовкѣ* новой пьесы, провѣряя свою роль, только изрѣдка заглядывалъ въ тетрадку, лежащую на его колѣняхъ.

Во время-же спектакля, когда эти артисты вели свои сцены, суфлеръ безмолвствовалъ и имѣлъ возможность, подобно зрителю, наслаждаться ихъ игрою.

Какъ Каратыгины (мужъ и жена), такъ и Брянскіе, занимали первое драматическое амплуа и одинаково пользовались любовью публики, хотя у каждой четы имѣлись свои партіи, или, правильнѣе сказать: свои особые поклонники, образовавшіеся вслѣдствіе вкуса публики, такъ какъ въ игрѣ Каратыгинныхъ и Брянскихъ, при ихъ равносильныхъ талантахъ, была та разница, что игра первыхъ основывалась на *картинности и эффектахъ*, а въ игрѣ вторыхъ встрѣчалось болѣе *простоты и естественности*, т. е. насколько было возможно допустить простоту и естественность въ трагедіяхъ и драмахъ, составлявшихъ репертуаръ того времени.

Правда, что иногда слышались упреки В. А. Каратыгину за его неестественную и ненатуральную дикцію; но можно-ли было ставить это въ вину артисту, который жилъ въ эпоху *ходоульныхъ*, сценическихъ произведеній? Возьмите, на выдержку, роль изъ репертуара Каратыгина и посмотрите, можно-ли отрѣшиться отъ неестественности и произносить *натурально*, т. е. простымъ человѣческимъ языкомъ, подобныя рѣчи, которыми отецъ упрекаетъ сына:

„Коль смѣешь ты, на мнѣ останови свой взоръ,
„Зри ноги ты мои скитавшися изъязвленны,
„Зри руки милостынъ прошеньемъ утомленны...
„Ты зри главу мою, лишенную волосъ,
„Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ...

(Эдишь въ Аѳинахъ.)

Это стихи. А вотъ проза, каковую русскій человѣкъ, Воевода Ляпуновъ, изъясняетъ радость, что ему прощена измѣна и пожалованъ мечъ:

«Сюда, еретики! На руку русскую, на русскій мечъ спѣшите!.. Насъ двое съ братомъ, разлучите насъ! Какъ-бы не такъ! Забыли вы, что русскій мечъ съ рукою русской сросся! Что русскій мечъ и русскій человѣкъ—святаго царства дѣти-близнецы!» (*Князь В. М. Скопинъ-Шуйскій*).

Авторы тѣхъ временъ, даже простаго русскаго мужика-разбойника, Кузьму Рощина, стращающаго подъячаго местию, заставляютъ произносить такія фразы:

„На бритвахъ слать тебѣ постель я буду,
Струнами ребра перевью!..“

И такъ далѣе, все въ такомъ-же родѣ!

И такъ, мыслимы-ли не только разговорный языкъ, но даже *натурально-человѣческая* поза артиста при рѣчахъ, излагаемыхъ такимъ образомъ. При дѣланной, искусствен-

ной рѣчи требовалась и искусственная ея передача. Вышеупомянутые артисты обладали вполне этимъ искусствомъ. Какимъ-бы ненатуральнымъ и искусственнымъ языкомъ не были писаны рѣчи ихъ ролей, но если въ этихъ рѣчахъ скрывалась хотя малая частица чувства или страсти, то они не пропадали для зрителя—онъ ясно слышалъ ихъ и сочувствовалъ имъ. Передать-же фразу *безъ смысла* или *измѣнить ея значеніе* эти артисты не имѣли вовсе способности, присущей и вѣрно практикуемой ихъ полюбителями—артистами позднѣйшихъ временъ.

Каратыгины и Брянскіе, кромѣ способности увлечь публику *ручями*, заставляя ее по своему произволу плакать или содрогаться, умѣли доставлять ей эстетическое наслажденіе и своимъ виѣшнимъ видомъ: каждая ихъ поза, каждый жестъ, вѣрно, соответствуя рѣчи, были, въ тоже время, художественно-живописны!

Это были счастливицы, которыхъ природа, щедро наградивъ талантами, надѣлила и прекрасными *сценическими*, выразительными средствами.

В. А. Каратыгинъ былъ правильно сложенъ, имѣя роста безъ двухъ вершковъ три аршина; лице его было красивое, обладало крупными чертами и очень напоминало портретъ Петра I.

Яковъ Григорьевичъ Брянскій ростомъ былъ значительно ниже Каратыгина, широкоплечъ и плотенъ. Лице имѣлъ также съ крупными, правильными чертами. Голова его была покрыта черными, густыми, курчавыми волосами.

Александра Михайловна Каратыгина и Анна Матвѣвна Брянская имѣли красивыя, представительныя наружности. Александра Михайловна ростомъ была выше Анны Матвѣвны.

Мимическая игра этихъ артистовъ была также *вырази-*

телна, какъ и *словесна*. Глядя на ихъ лица, зритель понималъ, что чувствуетъ артистъ въ данную минуту. Бывали моменты, когда мимическая игра выходила истинно поразительною. Чаще всего это случалось въ игрѣ Василья Андреевича Каратыгина. Такъ, напримѣръ, въ роли Веллизарія, въ сценѣ, гдѣ жена, свидѣтельствуя передъ сенатомъ противъ Веллизарія, обвиняетъ его въ государственной измѣнѣ, Каратыгинъ закидывалъ тогу себѣ на голову и оставался нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи и... во все это время театръ, какъ говорится, ломался отъ рукоплесканій!.. Отъ чего же это?.. Отъ того, что зритель, въ этой закрытой съ головы до ногъ фигурѣ, видитъ человѣка, страшно разочаровавшагося въ дорогоему существовѣ, человѣка, пораженнаго неожиданнымъ и незаслуженнымъ ударомъ... пораженнаго до того, что онъ не только не находитъ словъ выразить свое горе, но даже не можетъ смотрѣть ни на людей, ни на свѣтъ Божій! Такъ понималъ и чувствовалъ зритель, видя этого неустрашимаго, побѣдоноснаго героя, горько, но *беззвучно* рыдающаго подъ покрывавшею его товою.

Или въ драмѣ: «Графиня Клара д'Обервиль», когда онъ, умирая отъ медленнаго отравленія, въ которомъ подозреваетъ страстно любимую имъ жену, вдругъ, нечаянно, видитъ, что его родственникъ и другъ, которому онъ слѣпо вѣрялся, приготовляя для него лекарство, примѣшиваетъ къ нему ядъ. Тогда на лицѣ Каратыгина, одновременно, ясно выражались и ужасъ, внушенный злодѣйствомъ друга, и радость отъ убѣжденія въ невинности своей любимой жены.

Въ игрѣ прежнихъ артистовъ много было прекраснаго, своеобразнаго, что не могло быть позаимствовано отъ нихъ кѣмъ-либо другимъ *безнаказанно!* Въ той-же драмѣ

«Клара д'Обервиль», умирая на сценѣ, Каратыгинъ дѣлалъ такъ: *вскочивъ съ постели, вытянувшись во весь ростъ, размахивая руками, нѣсколько разъ быстро повертывался на одномъ мѣстѣ, затѣмъ падалъ на полъ и умиралъ.* Сцена эта выходила поразительно страшною.

Много лѣтъ спустя, первостатейная и многоопытная артистка, любимица публики С—ва, въ драмѣ «Пятнадцать лѣтъ разлуки», играла роль черкешенки, которая умираетъ на сценѣ, убитая ружейнымъ выстрѣломъ...

Г-жа С. вздумала *картину* смерти позаимствовать у (покойнаго уже тогда) Каратыгина, т. е. не просто умереть, но нѣсколько *повертѣвшись*. Задумано—сдѣлано и... вся публика дружно расхохоталась...

Такъ точно Яковъ Григорьевичъ Брянскій, иногда, въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ трагедіи, хохоталъ (какъ, напримѣръ, въ трагедіи «Уголино», при выходѣ изъ хижины, по убіеніи имъ Вероники), и этотъ хохотъ обдавалъ зрителя холодомъ. Въ позднѣйшія времена многіе изъ самозванныхъ трагиковъ пробовали заимствовать отъ Брянскаго его хохотъ, и хохотъ ихъ выходилъ такъ заразителенъ, что всѣ зрители *покатывались*.

Прежніе артисты насколько были талантливы, настолькоъ бывали внимательны къ исполненію своего дѣла. Въ продолженіи всего спектакля, въ которомъ участвовали В. А. Каратыгинъ и Я. Г. Брянскій, никто и никогда не видалъ ихъ разговаривающими съ кѣмъ-нибудь за кулисами. Все время, когда они были не заняты на сценѣ, проводилось ими въ уборной. Кромѣ того, у Якова Григорьевича было неизмѣннымъ правиломъ: пріѣхавъ въ театръ раньше шести часовъ и одѣвшись въ костюмъ, *припомнить* свою роль, т. е. прочесть ее всю отъ начала до конца *на память*—безъ тетрадки. Вслѣдствіе

этого, его можно было видѣть всегда прохаживающимся взадъ и впередъ, позади сцены, иногда въ продолженіи цѣлаго часа. Въ это время, на чей-бы-то ни было поклонъ, дабы не развлекаться, онъ молча склонялъ свою большую голову, приподнявъ черныя, густыя брови. Во всякое-же другое время, на привѣтствіе всѣхъ и каждаго, онъ отвѣчалъ обыкновенно одною и тою-же фразою: «*желаемъ, дескать, вамъ всякихъ благъ!*»!

Относясь сами честно и добросовѣстно къ дѣлу, они того-же требовали и отъ другихъ; въ особенности Василій Андреевичъ былъ очень взыскателенъ къ актерамъ, играющимъ съ нимъ.

Не говоря уже о томъ, что актеръ, исполняющій значительную роль, *долженъ* былъ твердо знать не только рѣчи, но *движенія и мѣста* (т. е. гдѣ стоять, когда приблизиться, или отдалиться), но даже и на актеровъ-мелюзгу Васильемъ Андреевичемъ обращалось самое строгое вниманіе, и если только въ которомъ-нибудь онъ подмѣчалъ хотя каплю сценическаго смысла, то своею игрою старался *поддержать* его и *воодушевить*.

Такъ, на первой репетиціи пьесы «Карль XII подъ Полтавою», Василій Андреевичъ *проходилъ* роль свою не *во весь голосъ* и безъ *декламациі*. Подошла сцена съ «адъютантами» (представляемыми *маленькими* актерами). Вышелъ первый адъютантъ, сказалъ свои «*рѣчки*»—и ушелъ. Второй адъютантъ—проговорилъ и откланялся. Третій-же адъютантъ, выйдя скорымъ шагомъ и вытянувъ руки по швамъ, рѣчь свою: «взять непріятельскій драгунъ, въ потьмахъ онъ оборвался въ ровъ. Его сейчасъ мы допросили»—не *проговорилъ*, а *отрапортовалъ*. Василій Андреевичъ, который, при выходахъ первыхъ адъютантовъ, такъ

и оставался *Васильемъ Андреевичемъ*, обратился къ третьему адъютанту уже *Карломъ XII*.

— «Что-жь онъ показалъ?» спросилъ его *такимъ тономъ*, какимъ памфренъ былъ исполнять роль въ *спектакль*. Причемъ и лице его приняло совсѣмъ иное выраженіе.

Это лестное вниманіе (не Карла XII, а Каратыгина) окончателно *поддѣло жару* адъютанту. Видя, что попалъ въ *тактъ*, онъ остальные двѣ «*рльчкы*» проговорилъ еще съ большимъ одушевленіемъ...

— Господа адъютанты, первый и второй! крикнулъ Василій Андреевичъ.

Тѣ приблизились.

— Вы видѣли, какъ велъ сцену г. М.? (третьей адъютантъ), такъ неудобно-ли вамъ дѣлать точно также, потому что вы являетесь не *бесподобать* съ Каратыгинымъ, а *докладывать* королю Карлу XII...

Что касается до актеровъ, играющихъ съ Васильемъ Андреевичемъ большія роли, то у него былъ одинъ его любимецъ: Максимовъ 2 (Александръ Михайловичъ), игравшій всѣхъ его *наперсниковъ*.

Максимовъ 2 (въ душѣ страстный поклонникъ Василья Андреевича) такъ изучилъ игру своего патрона, что не только понималъ по его взгляду, что должно дѣлать, но даже предугадывалъ его движенія; вслѣдствіе чего онъ, въ продолженіи всей своей службы, не получилъ отъ Василья Андреевича ни одного *выговора*, а это не шутка!

Въ это время, когда «Гамлетъ» игрался очень часто, Максимовъ 2 (Горацио) захворалъ и роль его передана была Петру Андреевичу Каратыгину. Каждый разъ, являясь въ театръ для исполненія роли «Гамлета», Василій Андреевичъ спрашивалъ у режиссера: «Что Саша Максимовъ?» и когда, наконецъ, услышалъ отвѣтъ, что Максимовъ вы-

здоровья, то замѣтилъ режиссеру: «почему-же не онъ играетъ Горацио?» и затѣмъ прибавилъ: «сдѣлайте милость, избавьте меня отъ моего брата!» *). Выше я упомянулъ, что наперсникъ Максимовъ не получалъ выговоры отъ Каратыгина. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что-бы актеръ актеру могъ дѣлать выговоры, но... на самомъ дѣлѣ было такъ. Василій Андреевичъ ихъ дѣлывалъ и его выговоры многіе боялись болѣе выговоры режиссерскихъ.

Я очень хорошо помню, какъ *перемѣнялся въ лицѣ* актеръ Іевлевъ (мужчина подь пятьдесятъ лѣтъ), когда бывало передъ началомъ драмы «Нараша Сибирячка» (что случалось на каждомъ ея представленіи) входилъ въ уборную старикъ «Власъ», портной, одѣвающій Каратыгина, и произносилъ глухимъ голосомъ: «г. Іевлевъ, пожалуйста къ Василю Андренчу». Іевлевъ вставалъ со стула, обдергивалъ на себѣ форменный сюртукъ и съдой парикъ, крестился и съ глубокимъ вздохомъ выходилъ изъ уборной, въ которую возвращался минутъ черезъ пятнадцать, что называется въ потъ лица...

Дѣло въ томъ, что, играя въ вышеупомянутой пьесѣ роль капитана-исправника, на одно изъ ея представленій, бѣдный Іевлевъ имѣлъ неосторожность, послѣ обѣда на именинахъ, явиться въ театръ не отдохнувши. На обѣду, выходъ его по ходу пьесы совпадалъ съ самой патетичес-

*) Это отнюдь не свидѣтельствуетъ, что Петръ Андреевичъ исполнялъ роль Горацио слабѣе Максимова, но привѣдится доказательствомъ того, какъ Василій Андреевичъ строго относился къ сценѣ; Петръ Андреевичъ не могъ знать *мыста и движенія* такъ твердо, какъ зналъ ихъ Максимовъ, который постоянно игралъ эту роль, что не могло не стѣснять Василя Андреевича, вслѣдствіе чего онъ и *не пощадилъ роднаго брата*.

кой сценой Василя Андреевича, при встрѣчѣ его съ дочерью. Вслѣдствіе обѣда, капитанъ-исправникъ оказался не совсѣмъ твердымъ въ своей роли и недостаточно поворотливимъ, чѣмъ не мало помѣшалъ изліянію чувствъ Парашинуму родителю, за что по окончаніи драмы и выдержалъ отъ него приличнѣйшую *головомойку*. Съ тѣхъ-то самыхъ поръ, каждый разъ передъ началомъ роковой пьесы, Іевлевъ сталъ получать приглашеніе «пожаловать къ Василю Андреевичу», во-первыхъ, для того, чтобы наглядно засвидѣтельствовать нормальность своего состоянія, а во-вторыхъ, проэкзаменоваться *въ твердости* роли и ловкости движенія.

Какъ, однакожь, ни былъ строгъ и взыскателенъ Василій Андреевичъ къ актерамъ, относительно исполняемыхъ ими ролей, и несмотря на свою наружную *суровость*, онъ вовсе не былъ человѣкомъ черствымъ, чему въ доказательство могу привести случай, бывшій съ актеромъ М. Въ драмѣ «Владиміръ Заревскій», актеръ Семеновъ, постоянно игравшій роль слуги, захворалъ, и роль его была передана М. Во время спектакля, по выходѣ Василя Андреевича на сцену, помощникъ режиссера, *правляцій* *) драмою, ушелъ въ уборную *покурить*, забывши, что М. играетъ на *перуцку* и не знаетъ выхода.

Пьеса идетъ. М. стоитъ у двери, зная, что выходи скоро, но когда именно?—въ толкъ взять не можетъ. Зная также и то, что въ сценѣ съ Василіемъ Андреевичемъ одинаково *опасно* какъ *опоздать*, такъ и явиться *ра-*

*) Помощникъ режиссера, находясь за сценою (т. е. позади декораций), слѣдитъ за ходомъ представленія, по имѣющемуся при немъ экземпляру пьесы, и предупреждаетъ актеровъ о выходѣ на сцену.

но, М. совершенно растерялся и выцелъ на сцену лишь тогда, какъ суфлеръ, соскучившись ожидать его выхода, сильно хлопнулъ объ полъ книгою. Выйдя на сцену и увидя взглядъ, брошенный Василиемъ Андреевичемъ, М. сталъ въ тупикъ окончательно, забылъ имя графа, о которомъ пришелъ докладывать, и назвалъ его именемъ и отчествомъ дирижера Кажинскаго, увидя его въ оркестрѣ...

Этимъ выходомъ оканчивалась роль г. М. въ этомъ актѣ. Но М. (какъ послѣ самъ рассказывалъ) до того растерялся, что, бросившись въ уборную, началъ было пересодвѣваться, чтобы *убѣжать* изъ театра, забывъ о томъ, что роль его еще не кончена. Въ счастью, очнувшись во время, онъ оставилъ намѣреніе спастись *блѣстномъ* и сталъ обдумывать, какъ дѣйствовать *въ столь трудныхъ обстоятельствахъ*? Скрываться въ уборной до слѣдующаго своего выхода на сцену? Хорошо-бы, но... какъ только окончится актъ, старикъ «Власъ» непременно явится *пригласить* къ Василию Андреевичу...

Думалъ, думалъ М. и счелъ за самое лучшее: *идти судьбѣ на встрѣчу*, нести *повинную*... и, выпивъ достаточное количество воды, пошелъ за кулисы ждать, когда Василий Андреевичъ *освободится*...

Много пережилъ М. въ эти немногія минуты ожиданія!

Наконецъ, Василий Андреевичъ *освободился*, выходить за кулисы и грознымъ взоромъ кого-то ищетъ... нашелъ! и... направляется прямо на М. Тотъ, съ своей стороны, дѣлаетъ три шага впередъ со словами:

— Виноватъ, Василий Андреевичъ! Я опоздалъ!..

И, о чудо! суровое выраженіе лица Василия Андреевича

исчезло безслѣдно *). Къ немалому удивленію и радости М., онъ отвѣчалъ совершенно мягко:

— Ничего! Оно не замѣтно было... Да почему сегодня играете вы, а не Семеновъ?

— Онъ захворалъ, отвѣчаетъ М.

— А чего-жъ смотрѣлъ помощникъ? спрашиваетъ Василій Андреевичъ, уже измѣнившимся тономъ.

— Его не было у дверей...

— А почему-жъ его не было?.. проговорилъ Василій Андреевичъ, оборачиваясь къ тутъ-же бывшему помощнику режиссера, которому и воспослѣдовала приличная нотация о томъ, что не слѣдуетъ оставлять своего поста...

Однакъ, *выговоры* Василья Андреевича *огорчали*, и малѣйшее его вниманіе дорого цѣнилось, вовсе не потому, чтобы *маленькіе* актеры *примижались* и *холопствовали*. Нѣтъ! *мелюзга*, при случаѣ, умѣла постоять за себя, и на дерзость отвѣчала дерзостью, несмотря на *служебныя рани* и разницу получаемыхъ окладовъ. (Но не буду забѣгать впередъ, объ этомъ придется упомянуть къ слову).

Отъ Василья Андреевича принималось все это такъ, а не иначе, единственно отъ безпредѣльнаго къ нему уваженія и даже *любви*, внушаемыхъ его громаднымъ талантомъ и *прямотою* его характера.

Василій Андреевичъ былъ очень гордъ, но гордость его не была оскорбительна для *мелкихъ* актеровъ, потому что

*) Чему причиною была, вѣроятно, не столько извинительная рѣчь виновнаго, сколько страхъ, написанный на его лицѣ. Кроме того, М. былъ на *хорошемъ счету* у Василья Андреевича, какъ толковый и внимательный къ дѣлу. Это тотъ самый М., что игралъ 3-го адъютанта въ драмѣ „Карлъ XII подъ Полтавою“, о чемъ я упоминалъ выше.

онъ одинаково былъ гордъ и съ *крупными*. Точно также былъ гордъ и съ *начальствомъ*.

При томъ-же это была гордость не человѣка, а артиста! Какъ-то неволью *понималось*, что она происходитъ не отъ *самолюбивія*, но отъ *глубочайшаго уваженія* къ искусству, котораго онъ *имѣетъ честь быть представителемъ*.

Самъ такъ глубоко уважая искусство, Василій Андреевичъ *не могъ сносить* и въ каждомъ другомъ, не говоря уже, *неуваженія* или *небрежности*, но даже и оплошности въ отношеніи къ искусству. Все это онъ считалъ, какъ-бы, личною для себя обидою. Вслѣдствіе чего всѣ его *выговоры* никогда и никого не оскорбляли, хотя и огорчали — заставляя въ душѣ сознаваться, что они вполне заслуженны.

При томъ, въ Васильѣ Андреевичѣ была та хорошая черта, что въ продолженіи всей его службы, онъ никогда *не жаловался начальству* на провинившихся противъ искусства (чѣмъ-бы легко могъ подвести подъ штрафъ, или *къ заключенію* подъ арестъ). Что-же касается *до сценической провинности* противъ его лично, то онъ вовсе на таковыя не претендовалъ.

Василій Андреевичъ на сценѣ часто *забывался*, т. е. воображалъ себя въ дѣйствительности лицомъ изображаемымъ, отчего нерѣдко приходилось терпѣть маленькія непріятности актерамъ, ведущимъ съ нимъ сцену. Напримеръ, въ трагедіи «Уголино», гдѣ Нино долженъ схватить за шею Гонзаго (Максимова), чтобы кое-что изъ него выпытать, Василій Андреевичъ, схвативъ его, такъ сдавилъ ему горло, что тотъ посинѣлъ и началъ уже хрипѣть... Суфлеръ вынужденъ былъ *подсказать* Нино такую фразу: «Василій Андреевичъ, вы задушите Максимова»... «Нино» очнулся!..

Въ драмѣ-же «Скопинъ-Шуйскій» Василій Андреевичъ,

желая также выпытать отъ доктора Фидлера, кто отравилъ «князя Михаила», вцѣпившись обѣими руками въ густые и длинные волосы доктора, *таскал* его по всей сценѣ!.. Тщетно шепталъ бѣдный Фидлеръ: «Василій Андреевичъ—тише!.. осторожнѣй!.. да полноте»!.. Но Василья Андреевича не существовало—былъ Прокопій Ляпуновъ, который, не внимая возраженіямъ доктора, тащилъ его все за тѣ-же волосы до самаго окна, въ которое и *выбросил* его безъ всякой осторожности, какъ выбрасываютъ перины, во время пожара!..

Актеръ Прусаковъ, игравшій роль Фидлера, догадался и принялъ свои предосторожности. Въ слѣдующему представленію «Скопина-Шуйскаго», Прусаковъ обстригся *подъ ребенку*, и не показывался Василью Андреевичу до своего выхода на сцену... Пришло время докторской *таски*... «Ляпуновъ» налетѣлъ!.. Хватъ Фидлера за голову, вцѣпиться не во что!.. Хотѣлъ за уши, но докторъ закрылъ ихъ руками... Поцарапалъ, поцарапалъ Ляпуновъ голову Фидлера, но таскать принужденъ былъ *за шиворотъ*... Что оказалось для послѣдняго гораздо сноснѣе...

Актъ кончился. Василій Андреевичъ дѣлаетъ Прусакову замѣчаніе:

— Зачѣмъ вы въ такихъ волосахъ? Съ длинными гораздо ловчѣе...

— Вамъ можетъ быть, -но мнѣ было очень неловко!.. отвѣчалъ Прусаковъ.

— Впередъ извольте надѣвать длинный парикъ...

— Да, вѣдь, вы его сдернете...

— Однако же прошедшій разъ не сдернулъ?! горячо возражаетъ Василій Андреевичъ.

— Не сдернули отъ того, что его на мнѣ не было. Вы таскали за *мою собственность*!..

— А?!! Ну, извините!.. говорить Василий Андреевичъ, пожимая ему руку.

Однажды *забычивость* Василья Андреевича переположила всю публику и самого его сильно встревожила. Въ какой-то трагедіи (названія не припомню) Василий Андреевичъ, съ кинжаломъ въ рукахъ, бросается къ актрисѣ Копыловой, та вскрикиваетъ, падаетъ въ кресла и... въ ту же минуту лифъ ея бѣлаго платья *обливается кровью*... Занавѣсъ опускается, хотя актъ не былъ еще оконченъ...

Впрочемъ, съ Васильемъ Андреевичемъ бывали сценическіе промахи и не столь *кровоавыи*; такъ, однажды, тогда еще совершенно юная и не привыкшая къ *приемамъ* нашего трагика, артистка-красавица С. *пожаловалась на Василья Андреевича* своей мамашѣ за то, что (на сценѣ) онъ ее *цѣловалъ и очень крипко, прямо въ губы*... Выслушавъ выговоръ отъ мамыши, Василий Андреевичъ слѣдующимъ образомъ оправдывался передъ обиженной:

— Я васъ цѣловалъ потому, что такъ слѣдуетъ по ходу пьесы, а вовсе не потому, что вы хорошенькая дѣвушка. Забудьте, что у меня дочь старше васъ.

Дѣйствительно, Василья Андреевича нельзя подозрѣвать въ умышенномъ поползновеніи на поцѣлуи, потому что онъ, «*по казенной надобности*», точно также усердно цѣловалъ и мужчинъ и не только *въ губы*, но даже цѣловалъ (буквально) *изъ руки*, если это требовалось по пьесѣ.

Василій Андреевичъ никогда не претендовалъ на сценическія провинности актеровъ, не вредящія искусству, а относящіяся прямо къ его личности.

Въ подтвержденіе сказаннаго, приведу слѣдующее:

Въ драмѣ «Кинъ», боксируя съ актеромъ Григорьевымъ 2, неосторожнымъ ударомъ Василій Андреевичъ сдѣлалъ на лицѣ его ссадину. Григорьевъ обидѣлся и *пожаловался* к. 1.

режиссеру... Режиссеръ передалъ претензію Григорьева Василью Андреевичу. Василій Андреевичъ входитъ въ уборную обиженного и обращается къ нему со словами:

— Г. Григорьевъ, я васъ ушибъ печально... Я забылся!.. Извините меня!

— Ничего-съ! отвѣчалъ еще не совсѣмъ успокоившійся Григорьевъ. Но только-съ предупреждаю васъ, что и я иногда могу забыться!...

— Это очень легко можетъ случиться съ каждымъ изъ насъ... и мы за это не должны претендовать другъ на друга, отвѣтилъ Василій Андреевичъ...

Случилось такъ, что при слѣдующемъ представленіи «Кина», Василій Андреевичъ, послѣ сцены съ боксеромъ, опять входитъ въ ту-же уборную и говоритъ, указывая на свой *подбитый глазъ*:

— Г. Григорьевъ, видите, что вы сдѣлали?..

— Я забылся!.. виновать-съ!.. отвѣчалъ тотъ.

— Я пришелъ не за извиненіемъ, а подтвердить, что каждый изъ насъ на сценѣ можетъ забыться, и мы не должны за это претендовать другъ на друга, и потому я жаловаться на васъ не пойду!

За кулисами ходили слухи, что, будто-бы, *забычивость* Григорьева была *искусственная*, чему, однако-жь, какъ-то не хочется вѣрить изъ уваженія къ памяти Петра Григорьевича...

Написавши слова Василья Андреевича: «*жаловаться я на васъ не пойду*», я невольно разсмѣялся, вообразивъ: какъ-бы *поразило* всѣхъ насъ, если-бъ намъ пришлось увидѣть Василья Андреевича приносящимъ жалобу режиссеру на кого-нибудь изъ актеровъ. Таковымъ дѣйствіемъ онъ показалъ-бы, что, признавая режиссера *начальникомъ* надъ актерами, съ смѣхъ вмѣстѣ, признаетъ его начальство

и надъ собою. Ну, а взгляды Василья Андреевича на режиссеровъ былъ совѣмъ съ иной точки.

Однажды Василій Андреевичъ пришелъ въ канцелярію режиссера, чтобы потребовать себѣ костюмъ для готовящейся тогда къ постановкѣ пьесы: «Тарасъ Бульба». Высчитывая секретарю режиссера, пишущему съ его словъ, всѣ нужныя для себя вещи, между прочимъ, Василій Андреевичъ упомянулъ: «бѣлую холщевую рубаху, обшитую по вороту, рукавамъ и подолу тонкимъ краснымъ шнуркомъ».

— Позвольте, Василій Андреевичъ! восклицаетъ при этомъ тутъ-же находящійся, но *не замѣченный* Васильемъ Андреевичемъ, режиссеръ Я—нъ. Позвольте, это невѣрно! Тогда малороссы носили рубахи безъ украшеній:..

Тутъ надо сказать, что режиссеръ Я—нъ, недавно *пришедшій бразды правленія*, еще не успѣлъ изучить *привычекъ* Василья Андреевича.

Василій Андреевичъ, какъ-бы не слыжавшій возраженій режиссера, снова проговорилъ, но уже тономъ болѣе внушительнымъ:

— Пишите: «бѣлую холщевую рубаху, обшитую по вороту, рукавамъ и подолу тонкимъ краснымъ шнуркомъ!..»

— Позвольте, Василій Андреевичъ! горячо вступился режиссеръ. Этого нельзя!.. это будетъ анахронизмъ, потому что Тарасъ Бульба...

Но рѣчь его была перебита усиленнымъ на цѣлый тонъ голосомъ Василья Андреевича, ясно отчеканивающего каждое слово: «бѣлую холщевую рубаху, обшитую по вороту, рукавамъ и подолу тонкимъ краснымъ шнуркомъ!»

— Позвольте-же, наконецъ!.. кричитъ режиссеръ, вскакивая со стула.

— Вы не разсуждайте! обрываетъ Василій Андреевичъ, взявнувъ на него черезъ плечо. А вы дѣлайте, что вамъ приказываютъ! добавилъ онъ секретарю и вышелъ изъ канцеляріи.

Небрежное отношеніе къ режиссеру было постоянно со стороны Василья Андреевича. Такъ, однажды, при постановкѣ пьесы: «Костромскіе дѣса», онъ сказалъ помощнику режиссера, чтобы на слѣдующей репетиціи для драки Сусанина съ поляками была приготовлена *настоящая дубина*, какая будетъ въ спектаклѣ. Настала репетиція; подходит сцена драки; вдругъ Василій Андреевичъ видитъ, что, вмѣсто дубины, приготовлена простая трость.

— *Ей, вы, режиссеры!* кричитъ онъ, не обращаясь ни къ кому лично, — *я приказывалъ*, чтобъ сегодня была настоящая дубина.

— Василій Андреевичъ... заикнулись было, въ одно слово, помощникъ режиссера и бутафоръ.

— Не разсуждать и дѣлать, что *приказываютъ!* *Живо!* скомандовалъ Василій Андреевичъ—и дубина явилась...

Теперь такое безцеремонное отношеніе актера къ режиссеру или своимъ сослуживцамъ—немыслимо, но тогда это казалось, какъ будто-бы, въ порядкѣ вещей. Въ то время, режиссеры, съ своей стороны, были *деспотами* со всѣми, кого не боялись, а боялись они одного только—*Баратынина 1-го*.

Тогдашнимъ режиссерамъ, какъ будто, *вмѣнялось въ обязанность: солить крупнымъ актерамъ и принижать маленькихъ*. Обращеніе ихъ, какъ съ тѣми, такъ и съ другими, было *невъжливое* и часто дерзкое. Что-же касается Василья Андреевича, то онъ стоялъ такъ высоко, что режиссеръ не только не могъ *солить* ему, но, напротивъ, находился вынужденнымъ, въ свою очередь, молча проглатывать

пилюли, подносимыя иногда Васильемъ Андреевичемъ, утѣшаясь единственною надеждою—излить свою желчь на кого-нибудь другого.

Здѣсь не лишнимъ будетъ упомянуть, что и Яковъ Григорьевичъ Брянскій стоялъ также выше *режиссерской соли*; но, имѣя характеръ невозмутимо покойный, онъ никогда не былъ слишкомъ взыскателенъ какъ къ актерамъ, ведущимъ съ нимъ сцену, такъ и къ оплошностямъ режиссера.

Василій Андреевичъ сознавалъ свою необходимость для театра, доказывающуюся, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ *одинъ*, сверхъ перваго оклада жалованья (4,000 ассигнаціями), получаемаго отъ дирекціи, получалъ добавочныхъ 8,000 изъ собственнаго кабинета Его Величества, а во-вторыхъ—любовью публики, очевидно изъ того, что Василій Андреевичъ никогда не игралъ *въ неполномъ* театрѣ. Стоя на такой ногѣ, онъ не только не имѣлъ нужды *заискивать* въ режиссерахъ, но даже не слишкомъ церемонился и съ тѣми, кто повыше. Василій Андреевичъ оставилъ, въ воспоминаніе о себѣ, слѣдующее преданіе: Однажды онъ *закапризничалъ*: не хотѣлъ играть какую-то роль, находя ее ниже своего таланта. Дѣло дошло до директора театровъ, который потребовалъ Василья Андреевича для объясненій.

Директора любили всѣ подчиненные за его чрезмѣрную доброту. Но на сколько онъ былъ добръ, на столько-жъ и вспыльчивъ. Вспыливъ, онъ, что называется, выходилъ изъ себя: кричалъ, топалъ ногами и очень часто говорилъ вещи *неподходящія*: актера обѣщалъ сослать въ Сибирь или сдать въ солдаты, а актрисамъ угрожалъ заточеніемъ въ монастырь. Такъ и на этотъ разъ, объясненіе съ

Василіемъ Андреевичемъ перешло въ споръ. Директоръ *стылилъ* и, между прочимъ, наступая на Василю Андреевича, кричалъ:

— Вы слишкомъ заважничали!.. Вы забылись!.. Что вы о себѣ думаете?!..

— Думаю, что я хороший артистъ, необходимый для театра, спокойно отвѣчалъ Василій Андреевичъ.

— Вздоръ! горячился директоръ. Это васъ публика избаловала неумѣстными приѣмами!

— Или я избаловалъ публику своей игрою... тѣмъ-же тономъ проговорилъ Василій Андреевичъ.

Директоръ окончательно вышелъ изъ себя.

— Развѣ вамъ нельзя дать отставки?!.. А? Какъ вы думаете?!..

— Думаю, что нельзя.

— Отчего? Отчего-же это нельзя?!.. съ пѣною у рта кричить директоръ.

— Оттого, что меня замѣнить не кѣмъ.

— Ошибаетесь!.. Я всегда найду актера на ваши роли!..

— Кого-же, напримѣръ? спрашиваетъ улыбаясь Василій Андреевичъ.

— Кого?! А вотъ его!.. его заставаю — и будетъ играть!.. кричить, не помня себя, директоръ, указывая на дежурнаго *пздовлю*, стоящаго на вытяжку у дверей кабинета.

— Ну, такъ сами его и смотрите!.. проговорилъ Василій Андреевичъ, повертываясь и выходя изъ кабинета, не обращая вниманія на продолжающійся крикъ директора.

Василій Андреевичъ получалъ *полный* бенефисъ. Когда-же, къ концу его службы, въ театрѣ, мало по малу, начала развиваться *бенефисная эпидемія*, такъ что ихъ не получалъ только *льниовой*, тогда Василій Андреевичъ

отказался отъ бенефиса, въ замѣнъ котораго сталъ получать ежегодно ассигнованную сумму.

Однажды, кто-то изъ авторовъ, бывши на репетиціи своей пьесы, разговаривая съ Васильемъ Андреевичемъ, между прочимъ, спросилъ: когда его бенефисъ?

— Мнѣ, благодаря Бога, нѣтъ бенефиса, отвѣчалъ Василій Андреевичъ.

— Какъ? Неужели вы не получаете?! воскликнулъ съ вытянутымъ отъ удивленія лицомъ авторъ.

— Нѣтъ, не получаю!

— Отъ чего-же?!

— Отъ того, что, въ настоящее время, такому артисту, какъ я, *стыдно* получать бенефисъ.

Глава II.

Я. Г. Брянскій. Его хладнокровіе въ отношеніи актеровъ, играющихъ съ нимъ. Любовь и антипатія публики къ Брянскому, благодаря его амплу. Брянскій и Каратыгинъ въ роли „Отелло“ А. М. Каратыгина и А. М. Брянская. Вниманіе и снисходительность Брянской къ сослуживцамъ. Брянская въ водевильной роли съ куплетами. Недоступность и гордость Каратыгиной. Страхъ, внушаемый ею молодымъ актерамъ. Каратыгина въ роляхъ свѣтскихъ дамъ и героинь. И. И. Сосницкій. Разнообразіе его репертуара. Сосницкій, какъ человекъ. Его гостепримство и хлѣбосольство. Его отношенія къ маленькимъ актерамъ. Сосницкій, какъ учитель драматическаго искусства. Сосницкій—первый изъ актеровъ, получившій знакъ отличія за искусство. Сосницкій—режиссеръ. Написанное имъ „постановленіе объ обязанностяхъ артистовъ“. Е. Я. Сосницкая—какъ актриса. Ея талантъ, способствующій развитію двухъ замѣчательныхъ актрисъ—Ю. Н. Линской и П. Б. Громовой. Значеніе сценическихъ: „заимствованія“ и „копированія“. Линская и Громова, съумѣвшія „заимствовать“ отъ Сосницкой. Алексѣевъ и Милославскій—неудачныя копія Дюра и Каратыгина. А. Е. Мартыновъ, какъ актеръ и человекъ. Скромность, застѣнчивость, доброта и странности его характера. Его несчастная слабость высказывать, иногда, то, чего неслѣдуетъ. Гостепримство Мартынова: ежедневные ужины, задаваемые имъ театральной молодежи. Смерть Мартынова.

Яковъ Григорьевичъ Брянскій, какъ человекъ, былъ совершенная противоположность Василія Андреевича. Онъ былъ вовсе не гордъ, и гораздо снисходительнѣе относился къ актерамъ. Иногда развѣ, если который-нибудь изъ нихъ, ведя съ нимъ сцену, отъ незнанія роли, ужъ черезъ-чуръ заврется, то такому скажетъ бывало: *«эхъ, братъ, пожалль-бы сублиера; вѣдь онъ одинъ, а насъ много»*, и все время, пока *нетвердый актеръ путается*, Яковъ Григорьевичъ смотритъ на него въ упоръ, съ полуоткрытымъ ртомъ и высоко поднятыми густыми бровями. На каждую же *запикку путающагося* произносить шопотомъ, какъ-бы

про себя: «Эхъ-ма!» «Вотъ то-то!» «Вотъ видишь-ли!» А затѣмъ, гдѣ-нибудь *наединѣ*, сдѣлаетъ ему внушеніе совершенно *дружескимъ тономъ*: «Не ладно, братъ, выходить на сцену, не зная роли. Во-первыхъ, это неуваженіе къ публикѣ, а во вторыхъ, дѣло портишь; гдѣ-жъ тебѣ помнить, *кого ты страшъ*, когда въ пору только думать о томъ, *что говорить*... Посмотришь: анъ, дѣло-то и выходить—дрянь!»

Точно такъ-же и къ режиссерамъ Яковъ Григорьевичъ относился *покойнѣ*, или, правильнѣе сказать: они для него вовсе не существовали... Въ началѣ моихъ «воспоминаній», я сказалъ, что у Каратыгиныхъ и Брянскихъ были свои партіи, или поклонники; къ этому должно еще прибавить, что въ числѣ поклонниковъ Якова Григорьевича бывали и такіе, которые, *восхищаясь* его игрою, съ тѣмъ вмѣстѣ, питали къ нему *непріязненные* чувства, чему причиною было то, что въ его репертуарѣ входило много ролей-*зловѣвъ*. Большею частію въ постройку тогдашнихъ драмъ и трагедій вводились противоположныя личности: гдѣ есть *добродѣтельный* или *невинностраждущій герой*, тамъ непременно есть и *зловѣвъ*. Почти всегда случалось такъ, что роли первыхъ выпадали на долю Василья Андреевича, а вторыхъ—Якова Григорьевича.

Напримѣръ: «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока»: «Жоржъ»—Каратыгинъ, «Варнеръ»—Брянскій; «Уголино»: «Нино»—Каратыгинъ, «Уголино»—Брянскій; «Дездемона и Отелло»: «Отелло»—Каратыгинъ, «Яго»—Брянскій; и много другихъ пьесъ, въ которыхъ роли, располагающія зрителя въ пользу артиста, принадлежали Василью Андреевичу, а на долю Якова Григорьевича доставались такія, что чѣмъ вѣрнѣе и типичнѣе *передавались*, тѣмъ сильнѣе возбуждали антипатію зрителя.

Играя-же «Отелло», Яковъ Григорьевичъ, въ свою очередь, точно также былъ симпатиченъ публикѣ, какъ и Василій Андреевичъ въ той-же роли.

Роль «Отелло» могла служить доказательствомъ равносильности талантовъ обоихъ артистовъ: тотъ, кто смотрѣлъ пьесу: «Дездемона и Отелло», оставался вполнѣ доволенъ, вынося убѣжденіе, что «Отелло» не можетъ быть изображенъ иначе, какимъ изображаетъ его Каратыгинъ. Другой-же, кто видѣлъ «Отелло—Венеціанскій Мавръ» (той-же пьесы другой переводъ), въ которой роль «Отелло» игралъ Брянскій, находилъ: что лучше и типичнѣе «Отелло» быть не можетъ. Оба артиста играли эту роль каждый по своему, ничего не заимствуя другъ у друга, и оба были безукоризненны.

Поговорка: «кому на комъ жениться—тому въ того родиться», какъ нельзя болѣе оправдывалась этими двумя артистами; каждый изъ нихъ въ отношеніи жены были какъ-бы рождены другъ въ другъ.

Александра Михайловна Каратыгина (какъ я уже говорилъ), играющая одинаково эффектно и картинно, какъ ея мужъ, была точно также, какъ онъ (если еще не больше), «артистически горда», тогда какъ Анна Матвѣевна Брянская, отличающаяся большею простотою и естественностію игры, какъ артистка и какъ человекъ, была вѣрною копіею своего мужа.

Какъ мужьямъ, такъ и женамъ, нерѣдко случалось состязаться въ одной какой-либо пьесѣ, не затмѣвая одна другую, или играть въ очередь одну и ту же роль, создавая ее по-своему. Въ игрѣ Анны Матвѣевны особенно поразительно проявились: душа и чувство (напримѣръ, въ сценахъ: разставанья и встрѣчи съ сыномъ, въ драмѣ «Кремневъ—русскій солдатъ»).

Доказательствомъ снисходительности Анны Матвѣевны *къ товарищамъ* можетъ служить слѣдующее:

Покойный Петръ Ивановичъ Григорьевъ 1-й для своего бенефиса перевелъ водевилъ: «Сиротка Сусанна», въ которомъ *комическую роль старой дѣвы*, по просьбѣ его, не отказалась сыграть Анна Матвѣевна, чѣмъ помогла *товарищу* получить съ бенефиса *полный сборъ*. (Петръ Ивановичъ, заручившись согласіемъ Анны Матвѣевны, разумѣется, не преминулъ распустить по городу слухъ, что въ его бенефисѣ *Брянская* будетъ играть *въ водевиллѣ* и *пѣть куплеты*). И Анна Матвѣевна играла въ водевилѣ и пѣла куплеты, а публика убѣдилась, что *Брянская* обладаетъ и *комическимъ* талантомъ.

Къ Александрѣ Михайловцѣ ни Петръ Ивановичъ и никто другой изъ ея *товарищей* никогда-бы не рискнули обратиться съ подобною просьбою.

Молодые актеры, всё поголовно, *боялись* играть въ пьесахъ, въ которыхъ приходилось вести сцену непосредственно съ Александрой Михайловною, а если еще, на грѣхъ, по ходу пьесы, приходилось *взять* Александру Михайловну *за руку*, или *обнять*, ну, тогда просто бѣда!.. Во всей труппѣ были только два счастливица: братья Максимовы 1-й и 2-й, которые умѣли вести сцены съ Александрой Михайловною, за что и пользовались ея благоволеніемъ до того, что она называла ихъ *«Алеша Максимовъ»*, *«Саша Максимовъ»*. Къ прочимъ-же актерамъ, желая сдѣлать которому нибудь изъ нихъ какое-либо замѣчаніе, Александра Михайловна всегда обращалась слѣдующимъ образомъ: *«послушайте, какъ васъ?»*..

На репетиціяхъ Александра Михайловна имѣла обыкновеніе: актеру или актрисѣ, ведущимъ съ нею сцену—смотреть чрезъ лорнетку прямо въ лице, и многіе подѣ

этимъ *наблюденіемъ* конфузились до того, что при твердомъ знаніи роли *спотыкались*...

Вотъ что однажды случилось съ *молодымъ* актеромъ В. Г. В. (надо замѣтить, что онъ былъ актеръ не *изъ робкихъ* въ отношеніи публики). Репетовали драму «Елена Глинская». В. Г. игралъ «Шихалея». Выйдя *бойко* на сцену, онъ приблизился къ трону и, преклонивъ колѣна передъ сидящей на тронѣ «Еленою», началъ свой монологъ... На бѣду В. Г. вовсе не былъ еще извѣстенъ Александрѣ Михайловнѣ (т. е. еще *не игралъ* съ нею), почему она и начала *разсматривать* его съ бдѣльшимъ, вниманіемъ, нежели прочихъ. «Шихалей» сначала опустилъ глаза передъ лорнетомъ «Елены», а затѣмъ—голосъ его началъ *дрожать и срываться*; когда-же онъ услышалъ что «Елена», обратясь къ стоящему возлѣ «Оболенскому» (В. А. Каратыгинъ), спросила (своимъ *оригинальнымъ протяжнымъ*, ей одной присущимъ тономъ): «Базиль! это кто»? Тогда «Шихалей» окончательно *сълъ*, т. е. совершенно умолкъ...

Говоря о роляхъ Александры Михайловны, я забылъ прибавить, что она, кромѣ трагедій и драмъ, играла и, въ такъ называемыхъ, высокихъ комедіяхъ, причемъ игра ея совершенно отрѣшалась *отъ искусственности* и была *естественна и натуральна*. Александра Михайловна въ особенности превосходно играла «*свѣтскихъ дамъ*» и «*большихъ барынь*», съ приличествующими *благородствомъ* и *изысканностію манеръ* (напр., въ роли «Графини» въ пьесѣ: «Женскій умъ, лучше всякихъ думъ»).

Чтобы имѣть понятіе о громадности и *разносторонности* таланта Александры Михайловны, достаточно было видѣть ее въ вышеупомянутой роли: «Графиня» и еще въ роли «Медея». Въ игрѣ ея эти два лица были совершенно

чужды одно другому. Эти двѣ женщины не имѣли ни малѣйшаго между собою сходства: насколько первая была *благородно-свѣтская женщина*, настолько-же вторая являлась *грандіозно-величественною героинею*.

Ивана Ивановича Сосницкаго я засталъ хотя и не въ первой его молодости (онъ былъ уже пенсіонеромъ), но въ полной силѣ таланта, исполняющимъ весьма разнородный репертуаръ. Онъ игралъ въ водевиляхъ, комедіяхъ, драмахъ и трагедіяхъ, и во всемъ игралъ одинаково превосходно. Чтобы имѣть понятіе о разнообразіи таланта П. И. Сосницкаго, достаточно взять слѣдующія роли изъ его репертуара въ водевиляхъ: «Отецъ какихъ мало» и «Дѣвушка-гусаръ»; какъ въ томъ, такъ и другомъ онъ игралъ кавалериста-кутилу и волокиту, но, между тѣмъ, это выходили совершенно различные типы. Въ первомъ видѣнъ былъ кутила, сдерживающійся изъ любви и уваженія къ своей взрослой дочери, а во второмъ—являлся кутила безъ всякаго удержу. При этомъ не лишне будетъ прибавить, что публика узнавала въ Сосницкомъ (по игрѣ, а не по афишѣ) въ первомъ водевилѣ—кутилу-русскаго, а во второмъ—кутилу-француза. Затѣмъ, возьмемъ двѣ такъ-же сходныя по характеру комическія роли: «Честь или смерть» и «Гамлетъ». Въ той и другой изображается *старикъ-сплетникъ*; но первый (Шнупфтухъ) — «мелкій торгашъ», а второй (Половій)—«придворный вельможа», и П. И. умѣлъ передавать эти роли съ тою громаднѣшею разницею, какая и должна была лежать между двумя этими лицами.

Далѣе, въ пьесахъ «Уголино» и «Графиня Клара д'Обервиль», онъ игралъ злодѣевъ, изъ которыхъ «графъ Руджіеро» («Уголино») — злодѣй хитрый и утонченный, тогда какъ «Коссадъ» («Клара д'Обервиль») — простолюдинъ,

злодѣй суровый и холодный. Въ обоихъ злодѣяхъ публига не видала ни одной одинаковой черты. Въ заключеніе приведу еще двѣ схожія роли, обѣ изъ русской жизни, но совершенно противоположныя по ступенямъ общественной лѣстницы, первая: *закутившійся баринъ* (Репетиловъ — «Горе отъ ума»), вторая: *запившій мужикъ* (староста—«Ямщики»).

Какъ въ приведенныхъ мною роляхъ, такъ и во всемъ громаднѣйшемъ репертуарѣ П. П. не встрѣчалось, при исполненіи имъ ролей, двухъ лицъ, похожихъ одно на другое: ни по жестамъ, ни по интонаціи, ни по гримировкѣ, не говоря уже о *цѣломъ характерѣ* изображаемаго лица...

Несмотря на то, что каждый актеръ въ частной жизни есть *человѣкъ свѣтскій* (по крайней мѣрѣ, таковыми они считаются), но, странная вещь! для каждого актера самая трудная задача — играть *человѣка свѣтскаго*. Какъ-бы актеръ не былъ талантливъ и опытенъ, но на сценѣ *въ костюмѣ* онъ чувствуетъ себя гораздо *свободнѣе*, нежели *во фракѣ*.

(Можно-ли вообразить актера болѣе *опытнаго* и *освоившагося* со сценою, какъ Василья Андреевича Каратыгина, а между тѣмъ *фрачные* роли совершенно къ нему *не шли*. Въ роляхъ *свѣтскихъ людей* онъ былъ *тяжелъ* и не только *неловокъ*, но даже *неуклюжъ*!)

Точно также нелегкая задача для актера играть людей *военныхъ*.

Но П. П. нисколько не стѣснялся *ни фракомъ*, *ни мундиромъ*, и на сколько хорошо, на столько-жъ и *вѣрно* представлялъ *свѣтскихъ людей* и *тонныхъ баръ*, съ присущими имъ *деликатностью* и *благородствомъ*, чему не мало способствовала его красивая, представительная наружность.

Впрочемъ, должно сказать, *деликатность* и *благородство* были прирожденными качествами И. И., которыми онъ отличался и въ частной жизни. Но, все-таки, *частная жизнь* и *сцена*—два дѣла, совершенно различныхъ, и многіе изъ актеровъ, умѣющіе прилично *держатъ* себя въ обществѣ, на сценѣ, зачастую, вмѣсто *графа* и *князя*, кажутся *гостиннодворцами*, или, представляя *офицера*, очень напоминаютъ... *пряничнаго солдата*.

Иванъ Ивановичъ и Елена Яковлевна Сосницкіе, какъ люди, славились гостепрѣимствомъ и хлѣбосольствомъ. У нихъ былъ назначенъ въ недѣлѣ день, въ который собирались ихъ друзья (что продолжалось и во время вдовства Ивана Ивановича, до самой его смерти). Гости въ домѣ Сосницкихъ находили всегда радушный пріемъ и *обильное* угощеніе, причемъ не стѣснялись излишними этикетами, и проводили время пріятно и весело—семейнымъ образомъ. Хозяинъ также не стѣснялся гостями, и послѣ обѣда, слѣдуя своему правилу, уходилъ часа на два уснуть.

Въ назначенный день, гости и въ отсутствіе хозяевъ (иногда уѣзжавшихъ на репетицію), находили все готовымъ для своего пріема.

Сосницкіе, мужъ и жена, были внимательны и любезны съ гостями, безъ различія *ранговъ*. Какъ *первосюжетный* ихъ сослуживецъ, или какой-нибудь генераль, такъ и *выходной* актеръ считались гостями совершенно *равноправными*.

Точно также и на службѣ И. И. и Е. Я. *не болались* унижить себя, признавая *маленькихъ* актеровъ своими *товарищами*.

Такъ, однажды, въ Среду, на Святой недѣлѣ, на репетицію собрались все *маленькіе* актеры. Пришелъ И. И. и *похристосовался* съ каждымъ *по русски*—*тремя поцѣлуями*.

Затѣмъ на сцену является еще одинъ изъ *маленькихъ*, который, поклонясь И. И. и поздравивъ его съ праздникомъ, сталъ христосоваться съ своими *однополчанами*. Когда этотъ церемоніаль окончился, И. И. подходитъ къ вновь прибывшему и говоритъ не только очень серьезнымъ, но даже *обиженнымъ* тономъ:

— Господинъ (такой-то)! Сначала я подумалъ, что вы, слѣдуя *новой модѣ*, не христосуетесь въ свѣтлый праздникъ, но теперь вижу, что вы только *со мною* не желали похристосоваться.

— И. И., отвѣчалъ тотъ, я имѣлъ честь поздравить васъ съ праздникомъ, а христосуюсь я только съ *товарищами*.

— А развѣ меня вы не удостоиваете считать своимъ товарищемъ? спросилъ И. И. не то съ обидой, не то съ удивленіемъ.

— *Не смѣю*, И. И.; будетъ того, что имѣю честь быть вашимъ *сослуживцемъ*, отвѣчалъ *маленькій*.

И. И. засмѣялся своимъ *добродушнымъ* смѣхомъ, и проговорилъ:

— Фу! какъ официально! обнялъ *маленькаго* актера и *трижды* крѣпко поцѣловалъ его. Затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ, сказалъ:

— Нѣтъ, господа, покорнѣйше прошу не исключать меня изъ числа товарищей, *если я того стою*. Хотя и есть разница въ нашихъ *окладахъ*, но всѣ мы служимъ одному и тому-же дѣлу.

Елена Яковлевна точно также однажды высказала свой взглядъ на *мелкихъ сослуживцевъ* по слѣдующему поводу:

Во время спектакля своего бенефиса, она обошла всѣхъ участвующихъ и каждому говорила одну и ту же фразу:

«Изъ театра ко мнѣ ужинать»; тоже самое сказала и одному *изъ мелкиѣ*, бывшему занятымъ.

Мелкій въ душѣ былъ очень благодаренъ Еленѣ Яковлевнѣ за *честь*, но разсудилъ за благо пойти ужинать въ „*Толмазовъ переулокъ*“, гдѣ надѣялся встрѣтить кого-либо изъ пріятелей.

Прошло нѣсколько дней.

Елена Яковлевна, встрѣтя *мелкаго*, строго спросила его:

— Вы что-же *не пожаловали* ужинать? Или вамъ нужно посылать билетъ?

— Извините, Елена Яковлевна, я не могъ... началъ было тотъ.

— Не могъ! перебила Елена Яковлевна. Скажите пожалуйста— дѣла!... Или *дѣти плачутъ*?!

— Право, Елена Яковлевна.... проговорилъ онъ и загнулся.

— Ну, скажите, что *васъ* могло задержать? Вы чело-вѣкъ *одинокій*... Что-же *такое* случилось?

Маленькій помялся, помялся и, наконецъ, *брякнулъ* самымъ *откровеннымъ* тономъ:

— Извините, Елена Яковлевна, но мнѣ и *по казенной надобности* быть гостемъ *на выходѣ* очень тяжело!

— Что значить: гостемъ *на выходѣ*? съ удивленіемъ спросила Елена Яковлевна, это у меня-то въ домѣ?!

— Точно такъ, Елена Яковлевна, — *ваши гости мнѣ не компанія*.

— Какое вамъ дѣло до моихъ гостей! *Я* васъ приглашала, а у меня гости не дѣлятся на *сюжеты*: нѣтъ ни *первыхъ*, ни *выходныхъ*. Каждый, кто не гнушается моимъ хлѣбомъ-солью, дѣлаетъ мнѣ *честь* и *одинаково* для меня *дорогъ*.

Замѣтя-же, что виновный сконфузился, она прибавила шуточнымъ тономъ:

— *Попробуй* еще такъ сдѣлать, такъ я *тебѣ* уши оборву!..

Въ доказательство *такта и деликатности* Ивана Ивановича, приведу случай, бывший съ однимъ *маленькимъ* актеромъ.

Этого актера Иванъ Ивановичъ обыкновенно называлъ уменьшеннымъ именемъ и говорилъ ему *ты*. (Такъ обходился Иванъ Ивановичъ только съ тѣми, кого любилъ. Такихъ *счастливцевъ* въ числѣ *мелюзги* было нѣсколько, которые дорого цѣнили любовь Ивана Ивановича, потому что сами любили его и уважали).

Вышеупомянутый *любимецъ* Ивана Ивановича получалъ жалованье, которое позволяло ему обѣдать одинъ разъ въ недѣлю; между тѣмъ родители имѣли неосторожность пріучить его ѣсть каждый день, а потому, чтобы удовлетворять такую свою привычку, *любимецъ*, кромѣ своей *официальной* профессіи, имѣлъ другую—*приватную*: онъ состоялъ комиссіонеромъ при торговой конторѣ *заграничными* товарами *Янова и комп.*, получая десять процентовъ съ проданнаго имъ товара, что иногда давало ему *въ пять и шесть* разъ болѣе получаемаго имъ казеннаго жалованья. *)

Каждый изъ покупателей (актеровъ) говорилъ комиссіонеру: «Принесите мнѣ то-то, или то-то». Иванъ Ивановичъ, будучи всегда вѣренъ своей деликатности, дѣй-

*) *О промышленности на сторонѣ и предприимчивости* маленькихъ актеровъ, спасавшей ихъ отъ конечной нищеты, упомяну въ свое время.

ствоваля *помяче*. Ему понадобились товары, но онъ не просто приказалъ принести ихъ, а разговаривая съ коммисіонеромъ, сказалъ, между прочимъ, взявъ его за обѣ руки:

— Ахъ! у меня давно есть до тебя просьба, да все забываю. *Сдѣлай ласку* (обыкновенная поговорочка Ивана Ивановича при дружескомъ обращеніи), купи для меня полотна на сорочки и столоваго бѣлья... Ты знаешь въ этомъ дѣлѣ, а меня надуютъ.

— Когда прикажете доставить вещи, Иванъ Ивановичъ? спросилъ коммисіонеръ. Иванъ Ивановичъ засмѣялся.

— Фу! произнесъ онъ, да ты совѣмъ торговцемъ сдѣлался: *«когда прикажете»!*.. Покорнѣйше прошу купить, когда будешь свободенъ — сдѣлаешь мнѣ большое одолженіе.

— Завтра утромъ можно, Иванъ Ивановичъ?

— Можно.

— Въ которомъ часу?

— Въ которомъ хочешь. Я встаю рано.

— Въ восемь можно?

— Прекрасно.

На другой день, ровно въ восемь часовъ утра, коммисіонеръ остановился у подъѣзда дома, близъ Литовскаго замка, и позвонилъ у квартиры во второмъ этажѣ.

Дверь отперла «Надя», старушка маленькаго роста (личность, замѣчательная тѣмъ, что, въ продолженіи всей жизни Елены Яковлевны Сосницкой, служила у нее горничной, а послѣ ея смерти оставалась въ домѣ Ивана Ивановича *пенсіонеркою*, доживать свой собственный вѣкъ).

Не успѣвъ еще коммисіонеръ *свалить* въ прихожей привезенный имъ *тюкъ голландскихъ полотenz и столоваго бѣлья*, какъ дверь отворилась, и Иванъ Ивановичъ *въ кол-*

ной *формы* (онъ никогда не употреблялъ халата, съ утра одѣваясь въ сюртукъ), съ трубкою въ рукахъ, вышелъ на встрѣчу прибывшаго.

— Милости просимъ! привѣтствовалъ онъ его и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ: какая аккуратность, ровно восемь часовъ! Теперь, Надя, вели подавать чай, сказала онъ «маленькой старушкѣ» и, проводя комиссіонера черезъ нѣсколько комнатъ въ кабинетъ, смѣясь проговорилъ:

— Признаться, и такъ былъ увѣренъ *въ вашей* аккуратности, что мы не начинали пить чай, зная что вы не задержите.

Слыша перемѣну въ обращеніи Ивана Ивановича, замѣтя сказанныя имъ слова: «*въ вашей* аккуратности» и «мы не начинали пить чай», комиссіонеръ недоумѣвалъ, но, войдя въ кабинетъ, понялъ тому причину: въ кабинетѣ находился какой-то пожилой господинъ (не изъ театральнаго), при которомъ Иванъ Ивановичъ нашелъ нужнымъ обращаться *съ маленькимъ алтромъ*, какъ съ равнымъ ему гостемъ. Онъ былъ до того внимателенъ, что, подавъ ему трубку на длинномъ чубукѣ, держалъ огонь для ея раскуриванія...

За чаемъ прошло съ часъ времени, въ продолженіи котораго Иванъ Ивановичъ такъ ловко велъ разговоръ, что заставлялъ принимать въ немъ участіе и комиссіонера (который, должно замѣтить, былъ человекъ *не свѣтскій* и отъ природы несловоохотливый).

О «*голландскихъ полотнахъ*» и «*столовомъ бльль*» не было и помину, пока не ушелъ гость, и Иванъ Ивановичъ не остался съ глазу на глазъ съ комиссіонеромъ.

И. И. Сосницкій былъ хорошимъ учителемъ драматическаго искусства, хотя и никогда не писалъ теоретическихъ къ нему руководствъ, но на практикѣ умѣлъ растол-

ковать и внушить ученику, почему онъ такую-то фразу долженъ произносить такъ, а не иначе. Водевильная знаменитость Барвара Николаевна Асенкова (окончившая свое театральное и земное поприще, гораздо прежде описываемого мною времени) была ученицею Ивана Ивановича; въ позднѣйшее-же время г. Нильскій и г-жа Владимірова, въ началѣ своей службы, нѣкоторыя изъ ролей исполняли замѣчательно хорошо, единственно благодаря *трудоу и терпѣнію* Ивана Ивановича. Сосницкій, первый изъ русскихъ сценическихъ артистовъ, былъ Высочайше пожалованъ золотою, брилліантами украшенною медалью, съ надписью: «За искусство».

Иванъ Ивановичъ, кромѣ своей сценической дѣятельности, оставилъ еще по себѣ память — *«постановленіемъ объ обязанностяхъ артиста»*, написаннымъ имъ въ бытность его режиссеромъ драматической труппы (ранѣе описываемого времени). Справедливость заставляетъ сказать, что «постановленіе» — уже *черезъ-чуръ строго*, такъ что къ нему легко можно примѣнить поговорку: «не довернешься — бьютъ, и перевернешься — бьютъ!» Къ счастью актеровъ, эти «постановленія» нынче не прилагаются, да, кажется, и никогда не прилагались на практикѣ. Въ старину ихъ замѣняли *кодексы режиссерскаго самоуправства*.

Елена Яковлевна Сосницкая была замѣчательная комическая и водевильная актриса. Игра ея отличалась *разнообразностію и жизненностію*.

Знаменитая актриса покойная Юлія Николаевна Линская, въ началѣ своего сценическаго поприща, весьма многое *заимствовала* отъ Е. Я. Сосницкой, отъ чего, однако-жь, въ послѣдствіи сумѣла отрѣшиться и выработала свой талантъ совершенно своеобразно.

Что-же касается современной комической актрисы, Пе-

лагей Кузьминичны Громовой, то она сдѣлалась замѣчательною актрисою единственно потому, что *сгумьла усвоить* многое, *заимствованное* ею отъ Елены Яковлевны, что дѣлаетъ не малую честь г-жѣ Громовой: *слумѣть усвоить* заимствованное въ дѣлѣ искусства есть не послѣднее достоинство! Каждый художникъ, непременно, заимствуетъ отъ своего учителя, и только *талантливый умѣть* усвоить заимствованное. Тотъ-же, кто современемъ возможетъ усовершенствовать или замѣнить заимствованное своимъ собственнымъ, болѣе лучшимъ, — есть уже геній!

Въ сценическомъ искусствѣ, *заимствовать* отъ великаго оригинала и *копировать* его — два дѣла совершенно различныя. *Умьющій заимствовать* беретъ отъ оригинала только *хорошее*, пользуется имъ, все-таки, своеобразно, т. е. соображаясь съ собственными средствами. *Копирующій*-же беретъ отъ оригинала *все цѣликомъ*, даже, съ могущими быть у него *недостатками*, которые въ оригиналѣ терпятся, лишь ради его прочихъ достоинствъ. Такъ, актеръ Т., игравшій «вторыхъ любовниковъ», взявъ за оригиналъ современнаго ему актера французской труппы, Бресана, перенялъ отъ него: *походку съ развальцемъ* и *покачиванія правой рукой* во время чтенія монологовъ, чѣмъ самымъ премного себя уродовалъ, а, между прочимъ, былъ актеръ не безъ способностей.

Точно такъ-же актеръ г. Алексѣевъ (и нынѣ еще служащій) съ юныхъ лѣтъ возымѣлъ поползновеніе *копировать* Николая Осиповича Дюра (знаменитый актеръ, умершій ранѣе описываемаго времени).

Даже и дебютировалъ г. Алексѣевъ ролью изъ его репертуара: «Жювьаль», въ водевилѣ «Стряпчій подъ столомъ».

Дюръ эту роль игралъ *живымъ, расторопнымъ*, что называется *живчикомъ*-старикомъ. Вообще, игра Дюра отли-

чалась *подвижностью, энергией и огнем*; а такъ какъ г. Алексѣевъ, *взаимнѣ* этихъ качествъ, одаренъ лишь однимъ *однообразіемъ*, то, думая *копировать* Дюра, какъ въ роли «Жювьяля», такъ и вообще, воспроизводитъ совершенно своеобразный типъ, неприятно поражающій какъ *однотонною трескотнею* разговора, такъ и *неумѣстною вертлявостію* движеній.

Такъ точно, нѣкто г. Фридебургъ, поступившій въ театръ подѣ фамилію Милославскаго, нѣсколько времени игралъ (довольно успѣшно) въ водевиляхъ молодыхъ людей. Затѣмъ, оставя здѣшнюю сцену, сдѣлался актеромъ провинціальнымъ. Прошло много лѣтъ. Въ провинціальныя газетамъ, время отъ времени, стали появляться «одобрительныя» рецензіи о г. Милославскомъ, какъ о драматическомъ актерѣ.

Наконецъ, г. Милославскій снова дебютировалъ на петербургской сценѣ въ роляхъ, тогда уже умершаго, В. А. Каратыгина.

Бто зналъ прежде г. Милославскаго, съ трудомъ могъ узнать его,—до того онъ *перемѣнился*, но не наружностью: онъ оставался, попрежнему, красивымъ мужчиною, высокаго роста и довольно представительной наружности; но онъ *измѣнился* вслѣдствіе желанія—копировать, не только какъ актера, но и какъ человѣка, В. А. Каратыгина: манера держаться, говорить, походка, и даже небольшая *сутуловатость* Василья Андреевича появилась и у г. Милославскаго (до сего державшаго плечи прямо, какъ и подобало офицеру-кавалеристу, каковымъ прежде былъ г. Фридебургъ). Что-же касается до его исполненія *каратыгинскихъ* ролей, то... это было ничто иное, какъ

„Снимки съ великой картины—
Лубочные снимки!..“

Оставя копиі, перейду прямо *къ неподражаемому* оригиналу, каковымъ былъ покойный Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ, обладавшій громаднѣйшимъ талантомъ и поразившій разнообразіемъ своей игры.

Разнообразіе въ игрѣ А. Е. выдавалось поразительнѣе игры прочихъ актеровъ, еще и потому, что онъ весьма часто, въ одинъ и тотъ-же спектакль, являлся передъ публикой въ пяти разнохарактерныхъ роляхъ, и въ каждой изъ нихъ бывалъ одинаково комиченъ (безъ всякой утрировки и фарса) и, съ тѣмъ вмѣстѣ, совершенно разнообразенъ.

Довольно припомнить три-четыре роли изъ его *безчисленно* репертуара, чтобы понять его обширный талантъ. Напримѣръ: «Дядюшка болтушка» — почтенный, внушительной наружности старикъ, добрѣйшій человекъ, но безтолковый говорунъ. «Игодкинъ» («Еще комедія съ дядюшкой») — приличный и *хорошенькій* юноша, но очень застѣнчивый и даже простоватый. «Мартыновъ» («Картинка съ натуры») — добрая русская душа въ грубомъ тѣлѣ — денщикъ, который, изъ любви и преданности *къ господамъ*, позволяетъ себѣ *ворчать* на нихъ.

Затѣмъ еще роль солдата-же (отставнаго), которая въ игрѣ А. Е. не имѣла ни малѣйшей тѣни сходства съ предыдущей, хотя основы характеровъ обѣихъ ролей однѣ и тѣ-же: *простота* и *доброта*. Это «Микентьевъ» (въ водевилѣ: «Первое Декабря»), *пьяный* (отъ начала пьесы до конца) департаментскій сторожъ. Тутъ-же, кстати, можно вспомнить иную роль, также *пьяною*: «Наумыча», изъ водевиля: «Жена кавалериста»; эти два пьяные человека выходили нисколько не похожими одинъ на другаго...

Служивцы Александра Евстафьевича не могли понять и не мало дивились тому, когда онъ успѣвалъ *изучать* и *обдумывать* свои роли. Во-первыхъ, при его обширномъ репертуарѣ, онъ не имѣлъ возможности, даже, твердо выучивать ихъ (вслѣдствіе чего А. Е. безъ суфлера на сценѣ былъ немислимъ). Во-вторыхъ, онъ, ставя новую роль *до послѣдней* репетиціи читалъ ее по тетрадкѣ, и читалъ просто, безъ всякаго выраженія, какъ школьникъ, затверживающій урокъ. И, вдругъ, въ спектаклѣ поражалъ сослуживцевъ и гримировкою, и игрою.

Гримировка Александра Евстафьевича была до того вѣрна натурѣ, что часто, глядя на него, задаешься, бывало, вопросомъ: «гдѣ я видѣлъ такого человѣка?».

Приглядѣвшись къ умѣнью Александра Евстафьевича *создавать* роли, невольно приходило въ голову, *что онъ вовсе въ этомъ не виноватъ, что у него выходитъ все такъ хорошо* — просто нечаянно!

Какъ ни нелѣпо такое предположеніе, но Александръ Евстафьевичъ каждому могъ внушить его.

Напримѣръ, когда ставили водевилъ «Приключеніе въ Полюстровѣ», Александръ Евстафьевичъ явился лишь *на послѣднюю* репетицію, и только на ней *въ первый* разъ *развернулъ* тетрадку и кое-какъ, съ трудомъ разбирая почеркъ, прочелъ свою роль...*)).

Спектакль насталъ. Всѣ боялись за Александра Евстафьевича. Но, вышелъ онъ на сцену, и не только публика,

*) Александръ Евстафьевичъ при св.емъ громадномъ талантѣ, къ несчастію, имѣлъ слабость, ради дружеской компаніи, выпить лишній стаканъ вина. На бѣду, иногда случалось ему попадать въ дружескія компаніи нѣсколько дней къ ряду, что было и при описываемомъ случаѣ.

но и актеры, игравшіе съ нимъ, не могли смотрѣть на него безъ смѣха.

Нужда заставила Александра Евстафьевича создать совершенно новый, небывалый типъ...

Не успѣвши усвоить изъ своей роли ни одного слова, не только цѣлой фразы, онъ, чтобы удобнѣй слушать суфлера, придумалъ слѣдующее: выйдя на сцену съ трубкою, онъ, въ продолженіи всей пьесы, ни на одну секунду не вынималъ чубука изъ рта и безъостановочно курилъ, въ то-же самое время, произносилъ фразы—слово за словомъ, но каждое слово произносилось отрывочно, такъ какъ курить и говорить быстро, въ одно и то-же время, нельзя. Между прочимъ, такая уловка помогала говорящему не пропустить ни одного слова, произносимаго суфлеромъ.

На сколько такой типъ вышелъ оригиналенъ и смѣшонъ—передать невозможно! Надо было видѣть Александра Евстафьевича.

Въ частной жизни Александръ Евстафьевичъ былъ добрымъ и веселымъ человѣкомъ. Въ обществѣ (не среди товарищей) онъ бывалъ очень скромнъ и даже, можно сказать, застѣнчивъ. Но *подъ вліяніемъ дружеской компаніи* онъ совершенно измѣнялся, и тогда единственной тѣмой для разговоровъ избиралось имъ, обыкновенно, драматическое искусство и собственный его (Александра Евстафьевича) талантъ. Возраженій никакихъ не допускалось, и разговоръ всегда оканчивался горячимъ споромъ. Кромѣ того, если въ таковыя часы попадался ему подъ руку человѣкъ, когда-либо, чѣмъ-нибудь его обидѣвшій, или огорчившій, тогда тому человѣку приходилось выслушивать отъ Александра Евстафьевича много горькихъ упрековъ. Приведу одинъ изъ такихъ случаевъ.

По выходѣ изъ училища, Александръ Евстафьевичъ

познакомился съ какимъ-то чиновникомъ, очень бѣднымъ, молодымъ человѣкомъ. Хотя Александръ Евстафьевичъ, въ началѣ службы, получалъ немного, однако-жъ, по своей добротѣ, находилъ кое-что удѣлить и своему бѣдняку-знакомцу. Бѣднякъ, съ своей стороны, въ отплату за благодареніе, ухаживалъ за Александромъ Евстафьевичемъ, какъ самый *преданный камердинеръ*, зачастую помогая ему переодѣваться въ уборной театра, не стѣняясь посторонними свидѣтелями... Время шло... Бѣдному чиновничку *повезло*, онъ, какъ говорится, *оперился*, и забывъ благодаренія Александра Евстафьевича, *поднялъ* передъ нимъ *носъ*. Горько это было Александру Евстафьевичу, но онъ затаилъ это въ душѣ, однако-жъ, затаилъ лишь до поры до времени...

Наконецъ, время приспѣло, и чиновникъ принялъ должную мзду.

Это произошло 30-го Августа (за нѣсколько лѣтъ до кончины Александра Евстафьевича), въ день его именинъ, въ его домѣ.

Послѣ роскошнаго, сытнаго обѣда, за которымъ было выпито громадное количество шампанскаго, гости, не выходя еще изъ-за стола, курили и разговаривали. Лишь одинъ хозяинъ не принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Онъ, опершись локтями о столъ и положивъ подбородокъ на ладони, пристально, не спуская глазъ, рассматривалъ давно знакомое ему лице сидящаго напротивъ его когда-то бѣдняка-чиновника, который въ данное время былъ уже богатъ и въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Нѣсколько разъ совѣтникъ *взглядывалъ на Александра Евстафьевича и, встрѣчая его пристальный взоръ, потуплялся*. Ему, очевидно, дѣлалось неловко.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и, не вынимая чубука изо рта, спросилъ:

— Что вы, любезный Александръ Евстафьевичъ, такъ внимательно меня разсматриваете?

— Да я смотрю и думаю, тотъ-ли это Семень Семеновичъ (имя совѣтника), котораго я знавалъ когда-то? Отвѣчалъ Александръ Евстафьевичъ, не перемѣняя своего положенія и не спуская глазъ съ лица совѣтника.

— Будто я такъ перемѣнился? спросилъ тотъ, небрежно улыбаясь.

— Да, невѣроятно перемѣнились!.. Прежде я васъ жалелъ, а теперь боюсь, отвѣчалъ Александръ Евстафьевичъ, и затѣмъ продолжалъ спокойнымъ, серьезнымъ и отчетливымъ тономъ: Помните-ли, Семень Семеновичъ, когда мы только что познакомились съ вами? это было давно-давно!.. Какой вы тогда были бѣдненькій и скромненькій человѣчикъ!.. Помните-ли, какъ однажды вы у меня ночевали, а на другой день, утромъ, я увидѣлъ, что у васъ сапоги безъ подметокъ; я долго конфузился, не зная, какъ предложить вамъ деньги на новые сапожки, но все-таки предложилъ... И какъ-же вы меня благодарили!.. А помните ли въ другой разъ, какъ вы мнѣ жаловались, что вамъ стыдно показываться въ департаментъ, потому что у васъ на локтяхъ чрезъ виць-мундирчикъ проглядываетъ бѣльецо, а на брюкахъ внизу образовалась бахромочка?.. Я отвезъ васъ къ своему портному и заказалъ цѣлую пару... А помните-ли, когда вы ужъ женились и, однажды, прибѣжали ко мнѣ и, обливаясь слезами, кричали: «батюшка Александръ Евстафьевичъ, благодѣтель, помогите! Жена умираетъ и не на что пригласить доктора!» Я сейчасъ

поѣхалъ и привезъ вамъ *Василья Ивановича Орлова* *), который лечилъ вашу супругу и вылечилъ; хотя онъ дѣлалъ очень много визитовъ, но я за всё заплатилъ ему... Это-бы все ничего, я очень радъ, что могъ быть вамъ полезенъ... Но вотъ ваша перемѣна-то меня очень поразила!.. Помните-ли, Семенъ Семенычъ, какъ однажды вы, съ радостію, сообщили мнѣ, что вамъ дали лучшую должность, съ увеличеннымъ окладомъ?—чѣму я радовался чуть-ли не больше васъ... Но послѣ этого вы, вдругъ, перестали навѣщать меня. Я думалъ, что некогда, что вы завалены работою... Желая очень васъ повидать, я разъ зашелъ къ вамъ въ департаментъ, но... вы какъ-то странно обошлись со мною и, наконецъ, *извинились*, что очень *заняты*. Я ушелъ... Потомъ, я часто видалъ васъ съ супругою, въ первомъ ярусѣ Александринскаго театра, и вы никогда не удостоили, во время антракта, зайти въ уборную навѣстить своего стараго пріятеля Александра Евстафьевича... Время шло. Вы получали разные чины, а, наконецъ, услыхалъ я, что вы ужъ дѣйствительный статскій совѣтникъ—значить, ваше превосходительство!.. Помните-ли, Семенъ Семенычъ, какъ однажды, встрѣтились съ вами въ фойѣ Большаго театра, гдѣ было очень много народа, я вѣжливо поклонился вамъ и сказалъ: «мое

*) В. И. Орловъ былъ докторомъ и другомъ всѣхъ драматическихкихъ артистовъ (хотя официально и не состоялъ врачомъ при театральной дирекціи). Онъ былъ поклонникъ и знатокъ драматическаго искусства и часто давалъ актерамъ весьма дѣльные совѣты. Онъ много писалъ для сцены, и всѣ его произведенія (водевили) имѣли успѣхъ. Что касается его водевиля: „Гусарская стоянка“, въ которомъ роль юнкера Делева играла К. Н. Асенкова, то онъ произвдиль громадный фуроръ.